

УДК 130.2

ARCHAEOLOGICAL ARTEFACT IN THE FIELD OF PHILOSOPHICAL REFLECTION: TO THE QUESTION**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АРТЕФАКТ В ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Savelieva A.K. / Савельева А.К.

ORCID: 0000-0001-8947-6686

V. N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Svobody Sq. 6, 61077

Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина, Харьков, пл.Свободы 6, 61077

Аннотация. В работе рассматривается, каким образом может строиться в философии культуры исследовательская программа для археологических артефактов, опирающаяся не на классические методы философии истории, а на рассмотрение эффектов присутствия. Традиционную трактовку археологического артефакта (технология, семиотика, место в пространстве-времени) предлагается дополнить категориями вечности и присутствия. Артефакт рассматривается как материальный фактор коммуникации. Описывается проблема истинности и субъективности археологических реконструкций, для их исследования предлагается дополнение академических репрезентаций категорией присутствия.

Ключевые слова: артефакт, вещь, присутствие

Вступление. Постмодернистское перепроизводство интерпретаций, уже несомненное в самом широком поле как философских, так и исторических рефлексий, крах метафоры «мира как текста» приводит в последние годы к смещению ментальной оптики от дихотомии язык–смысл к поиску подходов, базирующихся на иных основаниях. Основаниях внетекстуальных, внелингвистических, не жонглирующих значениями до полного отстранения от реалий, эти значения и смыслы породивших. Можно говорить о своеобразном эпистемологическом, или даже аффективном повороте, – интересе к чувственным характеристикам культурных практик. В рамках этого поворота базовыми понятиями начинают выступать телесность, вещьность, вещь, которые исследуются в самом широком спектре концепций, от феноменологии телесности до онтологии артефактов. В истории же как нарративе археология изначально выступает своеобразной альтернативой текстуальным подходам. Археологию в философии культуры имеет смысл рассматривать не как некую вспомогательную часть исторического знания, а как науку, рассматривающую материальные факторы коммуникации и воплощающую «присутствие» (в терминологии «культур присутствия» и «культур значения» Х.Гумбрехта.) Современная виртуальная повседневность, где вездесущность технологий коммуникации устраняет из существования пространство, а присутствие мира сокращается до присутствия на экране, порождает, по Гумбрехту, «стремление наладить экзистенциальную близость с измерением вещей».

Основной текст В археологии артефакт рассматривается как базовая единица археологической информации. В общем виде, свойства артефакта могут быть специфическими (характеристики конкретного предмета) и контекстуальными (как часть комплекса). Методологии исследования, часто

междисциплинарные, предусматривают рассмотрение артефакта в материало-технологическом срезе (например, радиоуглеродный, трасологический анализ) и в семиотическом (реконструирование знаков и знаковых систем в парадигме синкретичного мировоззрения). Важны разнообразные методы типологизации, приводящие при анализе к построению хронологий, карт культурных контактов, торговых путей и т.п. То есть, бесспорными характеристиками артефакта в рамках археологии могут выступать материальная составляющая, семантическая и пространственно-временная. Философская же рефлексия задает иные концепты артефактов и – шире – вещей, хотя во многом и являющиеся созвучными внутренним археологическим основаниям.

Соотношение вещиности и телесности. Телесный способ существования человека подразумевает двойное обращение к миру как к телесному и как к вещному, как два способа бытия. О.К.Бурова, рассматривая эволюцию философского бытия вещи, определяет вещь как метафизическое понятие, охватывающее способность «Я» выходить за свои границы в оптическое пространство чувственного, аккумулирующее напряжение экзистенции. [1,8] Исследовательница вводит понятие метафорического глаза, принципиально различая акт познания посредством видения (смотрения) и акт «участия» посредством видения: познание осуществляется отчужденным субъектом, самоутверждающимся через присваивание внешнего мира вещей. Акт участия предполагает, что смотрящий принадлежит тому, на что он смотрит, участвует в нем, становится его частью в общем экзистенциальном движении. Нам важна новая чувствительность, возникающая в рамках этой концепции. На наш взгляд, в рамках попыток репрезентации мировоззрения, которые неизбежно возникают при анализе знаковой составляющей археологической вещи, мы, подразумевая и реконструируя некий семиотический или мифологический контекст, не должны забывать, что при общей символической соотносимости в архаичных культурах (например, предмета с его изображением, животного с его глиняной фигуркой и т.п.) базовые характеристики восприятия, вероятнее всего, являлись именно такими: чувственными, участвующими, а не познающими. Сохраняя язык оригинала: «Пізнавальний рух занурений в інтелігібельність, інструментальний – у практику. Аналіз і застосування кодують його зв'язок з річчю і опосередковують будь-які, навіть найвіддаленіші за своїми очевидними інтенціями стратегії. Факт усвідомлення аналітично-знаряддевого жесту закарбовує, по-перше, особливу, репресовану геометрію тілесного, а, по-друге, фіаско кожної спроби дістатися пластів речового. Лише здатність не- мислення, тобто здатність створити осередок для речового у своєму внутрішньому, уможлиблює контакт» [1,11]. Описанная стратегия восприятия вещного напрямую подводит нас к категории присутствия.

Жажда «присутствия». Х.-У. Гумбрехт в концепции «производства присутствия» говорит о пространственном отношении к предметам, их взаимодействии с человеческим телом и сознанием и эффектах производства присутствия как эффектах осязаемости, производимых вещественным миром в пространственном движении [2,10]. Исследователь настаивает на необходимости восстановления контакта с вещественным миром вне

субъектно-объектной парадигмы и не прибегая к толкованию [2,65]. Другие работы Гумбрехта строятся во многом именно на принципе наполнения текста непосредственными практиками, что способны эффекты присутствия – породить. Здесь показательна его книга, раскрывающаяся как живой энциклопедический (как по широте охвата материала, так и по принципу построения) срез случайного, намеренно не-историчного (1926) года. Рассматривая свой способ историописания в сравнении с базовыми дискурсами нового историзма и философии истории, Гумбрехт подчеркивает, что сам классический акцент на непреодолимости временной пропасти порождается стремлением к репрезентации как деланию миров прошлого присутствующими. «Историческая культура может существовать только между попытками утолить эту жажду присутствия – и уверенностью, что эта задача невыполнима» [3,480]. Когнитивная дистанция академизма зачастую уничтожает жажду непосредственного переживания прошлого, после чего репрезентация исторической «инакости» непременно становится ироничной, поскольку попытка воспроизвести «реальность» прошлого сталкивается с тем, что «любая ре-презентация – это симулякр» [3,480-481].

Для нас важно, что в концепции идеальных гумбрехтовских противопоставлений «культур значения» и «культур присутствия» [2, 86-92] археологический артефакт выступает фактически эталонным объектом, принадлежащим «культуре присутствия», зачастую дописьменной и обладающей, помимо «инакости», рядом специфических характеристик, связанных со своеобразием археологического материала. Это и физические факторы сохранности (многие материалы, такие как ткань, дерево, кожа, сохраняются только при достаточно редких природных условиях), и повсеместное грабительское и любительское разрушение древних комплексов, и проблема, дискутируемая как «предпосылки о Помпеях» [4,84]. Речь идет о том, что, в отличие от пресловутых Помпей, одномоментно уничтоженных извержением и оставшихся своеобразным отражением конкретного моментального состояния прошлого, обычно в археологическом памятнике аккумулированы свидетельства событий, происходившие на протяжении значительного периода, причем далеко не всегда эти хронологические пласты возможно вычленишь. По сути, репрезентация в археологическом поселении некоей хронологической длительности оказывается принципиально иной, чем реалии жизни его обитателей.

Коммуникационный маркер. Исследовательская программа Г.М.Маклюэна строится на концепте зависимости способа коммуникации от связи с технологическим окружением. По Маклюэну, «когда наши чувства материализуются в виде тех или иных технологий, новая интерпретация культуры происходит по мере социального усвоения последних» [5, с. 87]. При этом к средствам коммуникации относятся, в частности, разнообразные вещи, артефакты, орудия, которые рассматриваются как внешние «расширения» человека, непосредственные технические продолжения его тела, органов чувств и способностей. Маклюэн понимает коммуникацию как экстериоризацию чувственной способности человека к восприятию, выделяя на основе этого

критерия речевую и зрительную коммуникацию, что, в свою очередь, ложится в основу дифференциации аудио- и видеокультур, то есть «культур слуха» и «культур зрения». В культурах, в которых письменность не является преобладающей формой опыта, естественно чувственное вовлечение, всеохватывающий драматизм устной речи [6, с. 87]. На наш взгляд, рассмотрение артефактов как внешних расширений тела в «культурах слуха» заостряет их роль в качестве материальных факторов коммуникации. Археология начинается с орудий труда – как определяющего фактора для ранних эпох, продолжается керамикой и приходит к системам своеобразных маркеров определенных археологических культур. Так, лесостепная Скифия, представляющая собой этническое смешение пришлых скифов с местными племенами, очень четко сохраняет маркеры «скифской триады» – типы конской упряжи, оружия и «звериный стиль». При этом интересно, что тот же звериный стиль в его конкретной стилистике дополняется местными животными, такими как лоси, с сохранением поз, формата вписывания образа животного в предмет и других отличительных признаков.

Немного о проблемах репрезентации/реконструкции. Археологию, как и письменную историю, не обходит вопрос истинности ее построений. Даже опуская вопросы археологической этики и идеологические проблемы, предполагая добросовестность исследователя, нельзя не упомянуть авторский субъективизм. Если в философии культуры поправка на личность, наблюдателя, автора дискутируема, но признана, то в археологии этот вопрос редко ставится прямо и во всей полноте. Но археолог, в отличие от лингвиста или историка – по крайней мере полевой археолог, проводящий исследование конкретного памятника, – уничтожает этот памятник. И здесь возникает целый комплекс возможного нарастания ошибок. Это крайне важный момент, который позволяет ставить вопрос о своеобразной археологической герменевтике.

Вводимое понятие археологической герменевтики можно определить как совокупность процессов истолкования археологического памятника от закладывания раскопа до интерпретации картины мира носителей оставившей данный памятник культуры, «от лопаты до мировоззрения». Такое широкое рабочее определение может на первый взгляд показаться некорректным, так как в нем объединены физический и исследовательский аспекты, археология полевая, камеральная и теоретическая. Но именно такое понимание необходимо для возможности выявления специфики каждого этапа археологического исследования. Закладывание ошибки зачастую происходит на начальном этапе, но если при исследовании, допустим, коллекций «любителей древностей» XIX века (а огромное количество «классического» археологического материала получено и оформлено порядка столетия назад с огромной, по современным меркам, потерей информации), исследователь просто сетует на неполноту данных, то, говоря о современниках, археологи широко используют, например, неформальное понятие «умеет/не умеет видеть землю», то есть правильно выявлять, например, в границах поселения жилые постройки, хозяйственные ямы, их конструктивные особенности и т.п. Это тот момент практической

работы полевого археолога, который находится где-то на границе опыта, добросовестности и таланта, и если вопрос о квалификации землекопов мы еще можем относить к профессиональной этике начальника экспедиции, то его умение заложить раскоп, отслеживать и фиксировать особенности культурного слоя, даже уложиться в рамки полевого сезона, не замахиваясь на слишком большие объемы и не оставляя куски памятника недобросовестно законсервированными – уже специфическая герменевтика.

При проведении дальнейшего исследования практика поисково-описательная уже однозначно перерастает в практику толкования. При выявлении более-менее общих закономерностей и уже «понятных» комплексов речь идет просто об изменении статистики. Изучение же уникальных артефактов уже бесспорно субъективно и герменевтично. Это может проявляться на всех уровнях, от попыток объяснить назначение какого-либо конкретного объекта или предмета, которые уже не получается охарактеризовать общим и не несущим особой смысловой нагрузки словом «культовый», – до построения теорий, при котором уже обязательно привлекаются вне-археологические данные значительного пласта наук – лингвистика, психология и так далее.

Здесь уже археологическая теория начинает формироваться с той же базовой особенностью, без которой уже невозможна современная гуманитаристика, а именно: происходит привнесение субъекта, авторского «я» исследователя, влияющее и на процесс научного поиска, и, соответственно, на результат. Любое толкование, даже самое логично выстроенное, аргументированное и в целом наукоемкое, все равно начинает содержать элемент субъективной генерации значений. Таким образом, существуют как минимум три этапа, на которых возможно привнесение ошибки – извлечение материала (раскоп), его первичная камеральная обработка и интерпретация (здесь все типы археологического анализа – от естественнонаучных методик до семиотических, искусствоведческих и т.п.) и построение на его базе неких теоретических систем.

Если мы определяем всю эту широкую совокупность практик как некую систему археологической герменевтики, то здесь стоит ставить вопрос о принципиальной полноте познания прошлого археологическими методами. Возникает ли в археологии специфический герменевтический круг? Возможна ли в принципе целостная реконструкция истинного облика культур прошлого современным человеком, насколько может быть действенной специфическая эмпатия археолога, пусть даже мы понимаем археологическое исследование в самом широком смысле со всеми междисциплинарными подходами?

На наш взгляд, герменевтический круг возникает, и абсолютно целостное познание остается невозможным. Но вопрос об истинности знания не должен сводиться к некоему абсолютному идеальному познанию, не оставляющему лакун. Скорее это стремление к максимально доступной или возможной (постижимой) истине. В нашем понимании археология в целом может рассматриваться как антропологическая практика поиска Другого, которая усложняется введением оси времени. Материальный артефакт является

носителем коммуникации, совокупность артефактов (комплекс) – своеобразный текст, суть археологии можно представить как диалог, но не «Я-Ты», а «Я-память о Тебе». Достоверность такой коммуникации через артефакт-посредник кажется спорной, но подобная парадигма, на наш взгляд, способна вычленивть некую сокровенную суть того поиска и интереса, который определяет археологию в целом. И этот диалог становится возможным, если «твой Бог» – носителя давно ушедшей культуры принципиально постижим для «меня», исследователя. В процесс этого постижения входят множественные методики, не являющиеся строго археологическими, но воспринятые ею в своем комплексе, например, воссоздание скифской картины мира использует и тексты Геродота, и осетинский эпос о Нартах, и ближневосточное искусство, но отправной точкой являются археологические находки – курганы, поселения, конкретные артефакты.

Заключение и выводы. Таким образом, разворачивание плоскостей темы археологии в философии (и обратно) приводит на первый взгляд к двум разным проектам – наполнение перенасыщенной значениями и толкованиями гуманитаристики конкретной вещностью «присутствия», археологическое знание выступает здесь как коммуникация, работающая с субстанцией и пространством, а артефакт – как носитель разноуровневой информации в этой коммуникации; и, во-вторых – поиск археологией своих оснований приводит к предположению о необходимости более субъектной, герменевтической трактовке ею своего предмета и целей. В рассмотрении артефактов на стыке концепций возникает трактовка артефакта как материального носителя коммуникации, имеющего как минимум четыре информационных среза – технологический (это проявляется не только в информативности вещи археологической, но и в современном предмете, тут работают характеристики рукотворности и машинного производства, потоковости и уникальности), семиотический (является ли вещь посланием, кодом или частью символического кода, в случае археологии или «чужого» культурного пространства – вычленение «знака-для-них» и «знака-для-нас»), пространственно-временной и выделенный нами срез присутствия, включающий человека в экзистенциальный поток мира вещи. На наш взгляд, классические методы реконструкции могут быть обогащены производством эффектов присутствия, моментов «со-бытийности», участием в вещности артефактного мира.

Литература:

1. Бурова О.К. Диалог речевого і тілесного: пошуки партнерських засад // Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. Збірник наукових праць. – № 4 (14). – 2012. – С.8-16.

2. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С.Зенкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.

3. Гумбрехт Х.У. В 1926 году: На острие времени / Пер. с англ. Е.Канищевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 568 с.

4. Клейн Л.С. Время в археологии.– СПб.: Евразия, 2015.–384 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. с англ. В. Николаева.–М.: Академический проект, –2005. –496 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ И.О.Тюриной. –М.: Кучково поле, —2007. —464 с.

Abstract. *The article dedicates how the research program for archaeological artefacts, based not on the classical methods of philosophy of history, but on the consideration of the effects of presence, can be built in the philosophy of culture. The traditional interpretation of the archaeological artefact (technology, semiotics, space-time place) is proposed to be supplemented by categories of materiality and presence. The artefact is considered as a material factor of communication. The article describes the problem of truthfulness and subjectivity of archaeological reconstructions and proposes the addition of academic representations by the category of presence for their research.*

Key words: *artefact, thing, Presence*

References:

1. Burova, O.K. (2012), “The dialogue between real and material: in search of partnership backgrounded revelations”, *Visnik Nacional'noi juridichnoi akademii Ukraini imeni Jaroslava Mudrogo. Serija: Filosofija, filosofija prava, politologija, sociologija. Zbirnik naukovih prac'*, vol. 4 (14), pp.8-16
2. Gumbrecht, H.U. (2006), *Proizvodstvo prisutstvija: chego ne mozhet peredat' znachenie* [Production of Presence: what meaning cannot convey], Translated by Zenkin, S., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia
3. Gumbrecht, H.U. (2005), *V 1926 godu: Na ostrie vremeni* [In 1926: Living at the Edge of Time], Translated by Kanishheva, E., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia
4. Klejn, L.S. (2015) *Vremja v arheologii* [Time in archaeology], Evrazija, St.-Petersburg, Russia
5. McLuhan, M. (2005), *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatajushhego* [The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man], Translated by Tiurina, I.O., Akademicheskij proekt, Moscow, Russia
6. McLuhan, M. (2007), *Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding media: the extensions of man], Translated by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, Russia

Статья отправлена: 15.03.2018 г.

© Савельева А.К.